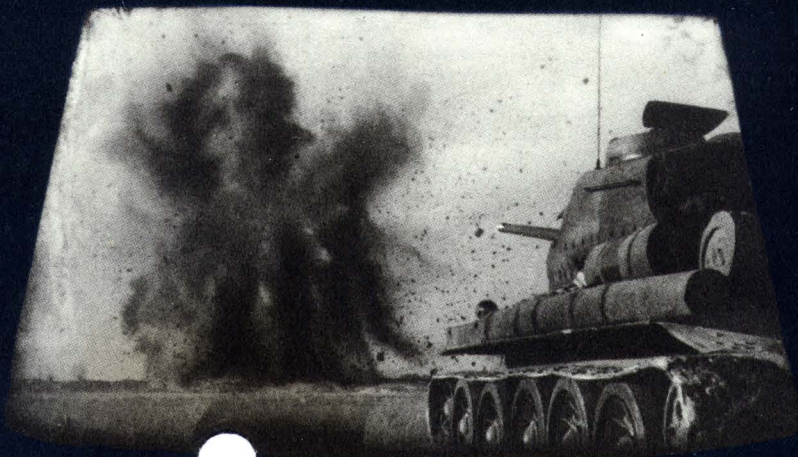

Кругозор

5
1965

КРЕПКОЕ СЕРДЦЕ НАДО

«Части 24-го немецкого танкового корпуса, занявшие Орел, продолжали наступление вдоль шоссе Орел—Тула. На подступах к Мценску немецкие танки были остановлены передовыми частями 1-го гвардейского стрелкового корпуса. 4-я и 11-я танковые бригады, входившие в состав корпуса, действиями из засад нанесли мощные огневые удары по танковым колоннам противника, вынудив их сначала остановиться, а потом развернуться в боевой порядок. Не имея ясного представления о количестве наших танков и неся потери, часть танковых соединений врага повернула назад, а другая начала обходить позиции танковых засад с флангов. Короткие, но сильные контратаки ударной группы 4-й танковой бригады под командованием полковника М. Е. Катуква сорвали и этот маневр противника».

ИМЕТЬ!

Несколько строк из «Истории Великой Отечественной войны...».

Они полнее раскроются перед вами, когда вы услышите первую звуковую страницу.

На ней документальная запись тех лет и рассказ дважды Героя Советского Союза Маршала бронетанковых войск М. Е. Катюкова.

Фото М. Савина

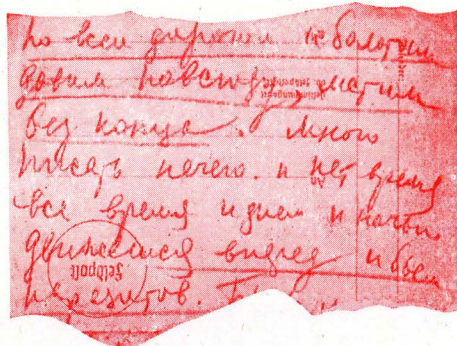
Сегодня ему было бы за сорок. Для меня он на всю жизнь останется Петей, голубоглазым мальчишкой с ободранными коленками. Я увидел его, когда приехал учительствовать в село Городцы Новгородской области. Он был смиренным и даже несмелым мальчиком. В сорок первом Петр стал командиром танка. Он воевал под Ленинградом и Новгородом. Его последний бой был в сорока километрах от родного села, где он думал встретить мать и сестру. Их расстреляли фашисты.

Под деревней Теребутицы танк Петра Степанова был подбит. Из горящей машины экипаж вел огонь...

Петр не дожид до полдня жизни. Перечитывая его письма, думаешь о душевной зрелости, мальчишеской непосредственности и мужской твердости. Он погиб ради сверстников — ради тех, кто был в колыхели, кто еще не родился.

С. ПОПОВ,
ученый секретарь
Центрального музея
Вооруженных Сил СССР

ПИСЬМА К ЖИВЫМ

«Валя, 23 января получил еще награду — орден Красной Звезды. Был в атаке. Бьем изуверов, да ведь сволочи крепко засели. Некоторые дни мороз бывает 30—35°. Будьте здоровы. Брат Петр».

«5 июля я принят в кандидаты ВКП(б). О чем я давно думаю — сбилось. На днях получу документы. В бой пойду — и если погибну — только коммунистом».

«Экипаж наш сплоченный. Каждый из нашего экипажа в боях уже участвовал. Не раз смотрел смерти в лицо. И в ближайшее время пойдем в бой на своей красавице машине».

«По взятии Новгорода идем дальше. С задержками в некоторых местах. Он еще упирается. Но впереди не так далеко Шимск, то есть к нашим местам ближе...»

ВООРУЖЕННЫЕ МИКРОФОНОМ

Василий АРДАМАТСКИЙ

Фото Э. Евзерихина, М. Савина

Начало войны и радио неразделимы в моей памяти. В тот день я, корреспондент «Последних известий», был в Риге. Город бомбили. Издалека были видны столбы дыма на аэродроме. А в радиоприемниках беззаботно пели горы «Пионерской зорьки»: Петя с Машей обсуждали, куда им пойти — в лес или на речку, не подозревая о том, что «лес» и «речка» уже сурово переименованы войной в «позицию» и «рубеж».

Но уже вечером, в ночном выпуске «Последних известий», передали: «От нашего фронтового корреспондента». Ян Борецкий рассказывал о первых боях. Вместе со своими товарищами, шедшими в бой с «лейкой» и блокнотом, шагал человек, вооруженный микрофоном.

Техника того времени была далека от совершенства. Магнитофонов не было. И все-таки каждый день из окопов, с боевых кораблей, из танков, атакующих вражеские позиции, шли в эфир репортажи. Фронтовые корреспонденты и

звуккооператоры делили с солдатами их тяжелый труд войны. Они разделили и ее беспощадность.

Саша Фетисов. Он погиб за линией фронта. Вы услышите в журнале одну из последних записей корреспондента Александра Фетисова из партизанского края: рассказ партизана.

Не вернулись в редакцию Евгений Барский, Александр Хамадан, Тарас Диковский, Семен Добренко, Василий Осин... У меня сохранилась

записка: «Поехал пытаться счастья. Шансов очень мало, и я думаю, что к 3 часам дня вернусь. Но на всякий случай крепко жму твою руку и обнимаю тебя. Гриша». Это была последняя записка Григория Нилова, я нашел ее под дверью своего номера в ленинградской гостинице «Астория». Помню его слова: «Окончательно установил, что во время войны самое лучшее место для человека — на войне».

Севастополь, Малахов курган. Бесстрашные батальоны морской пехоты, наверно, не забудут

говорили со страной Леонид Шмонин, Николай Полосихин, Павел Майзлин, Николай Стор, Савва Морозов.

Записывая на громоздкие, как мельничные жернова, диски шум сражений, голоса бойцов, мы были далеки от мысли, что создаем документы истории. Но когда слышишь, как звучат ленинградские записи Лазаря Маграчева или репортаж о боях в Берлине, сделанный Николаем Ковалевым и Анатолием Медниковым, снова чувствуешь жаркое дыхание тех дней. Память о них

«веселого футболиста». Стоило ему в минуты затишья заговорить — и сразу вспоминались мирные дни и голос, звучавший из репродуктора: «Ура! Гол!» Вадим Синявский (он на верхнем снимке) вел счет уничтоженным танкам и самолетам фашистов. Его тяжело ранило в голову.

В окопах Западного фронта знали Юрия Арди. Его репортажи звучат и сегодня в выпусках «Маяка» и «Последних известий». С фронта

будет с нами всегда, и этим мы во многом обязаны звукооператорам, преодолевшим все: и вражеские обстрелы, и капризы техники, волею войны перекочевавшей из деловитой тишины Дома звукозаписи прямо под огонь батарей. Одно из первых советских звукооператоров, Алексея Спасского, вы видите на нижнем снимке. В мае 1945 года Алексей Спасский запечатлел на пленке в Берлине момент капитуляции фашистской армии, поставив точку в радиолетописи войны.

Поэт Иосиф Уткин погиб 13 ноября 1944 года. Он был участником двух войн — гражданской и Великой Отечественной.

Стихотворение «Сестра» опубликовано во фронтовой печати в 1944 году. Его предоставил редакции друг Иосифа Уткина писатель Л. Е. Рубинштейн.

Иосиф УТКИН

Нет, не забудется, я знаю —
Ее векам не превозмочь —
Солдатских мук сестра родная,
Любимая России дочь!

Как мы не позабудем боя,
Когда под посвисты свинца
Сестра склонялась над тобою
Всей дружкой юного лица.

Когда из этой самой фляги,
Поднявшись из последних сил,
Боец глотками свежей влаги
Свое спасенье жадно пил.

И не забудут не по росту
Шинели серой, синих глаз,
На жизнь и смерть
глядящих просто.
Солдатских мук родные сестры,
Россия не забудет вас!

1944 г. Под Бухарестом,

Это строки из солдатского дневника. Я вижу их несовершенство, но править у меня рука не подымается, так как пропадет достоверность момента.

Сергей СМИРНОВ

Налетели с черными крестами,
Развернулись,
ринулись в пике.
Вся земля —
с траншеями, с кустами
Вздрыбилась от нас невдалеке.

Сразу же ударили зенитки,
Просквозили их парадный строй.
Но они поднялись, как по нитке,
И пропали где-то за горой.

Лишь опять подпрыгивает пламя,
Лишь опять клубится сивый дым
Над землей,
над мертвыми телами,
Надо мной, уже полуседым.

Тут мы все в боях и в обороне
Дни проводим, Гитлера кляня,
Каждый день кого-нибудь хороним,
А в тылу трезвонят: «Жди меня».

В ночь с 22 на 23/XI 43 г.
Около Великих Лук.

Стихи были написаны в только-только освобожденном нашей дивизией селе Озаричи после разговора с одной старой женщиной, у которой оккупанты угнали в Германию дочь.

Юлия ДРУНИНА

Ах, недолго у матушки ты
прожила,
Незадачливая девчонка:
Умыкнул басурман из родного
села,
Как мешок, поперек перекинув
седла.
Ты ему татарчонка в плену
родила,
Косоглазого, как зайчонка.
Время шло.
Ты считалась любимой женой,
Попривыкла к смешному
зайчонку —

Родной.
Но навеки застыли в славянских
глазах
Пламя русских пожарищ,
отчаянье, страх...
Вновь дымятся массивы
несколенных трав.
Мчит девчонок в Неметчину
дужий состав.
Вдруг одна полонянка
на мгновение застыла:
Показалось ей смутно, что все
это было —

Полыхали деревни,
Дымилась поля,
Бились женщины,
Плакали дети...
Все воюет, воюет старушка-
земля,
Нет покоя на этой планете...

1944 г. 2-й Белорусский фронт.

Весной 1942 года возникла надежда на освобождение Харькова. Она не сбылась тогда. Но это стихотворение отражает настроение весенних дней 1942 года, и потому я осмелился предложить его для «Кругозора» в ту пору, когда мы отмечаем двадцатилетие нашей победы.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

Весенний ветер звонок и неистов,
На вешках обрывает провода.
Люблю я хитрый разговор
связистов —

Условные названья, города.
На линии идет проверна: «Харьков»!
Ты слышишь, «Харьков»? Это я,
«Москва!»

И вновь летят взволнованно и жарко
Короткие военные слова.
«Москва» расположилась

в тесной хате,
Начальник штаба карту развернул.
Сюда идет в медлительном раскате
Неукротимый перекатный гул.
А «Харьков» за бугром

лежит на талой,
Весенней, растревоженной земле,
И дует в трубку, и кричит устало,
Что автоматчики уже в селе.
Село начальник

в обстановку впишет,
Изменится назавтра позывной,
Но мы опять свой город

будем слышать,
Еще условный, но всегда родной.
Я знаю: героическая рота,
Что милым городом себя звала,
В огне артиллерийского налета
Недалеко от Харькова была.

8 апреля 1942 г.
Юго-Западный фронт.

Михаил АЛЕКСЕЕВ

Рисунок А. Брусиловского.

ЗЕРНОВУШКА

Рассказ

В каждом солдате живет властное и нетерпеливое желание вновь побывать в тех местах, по которым провела его когда-то война.

Я ехал на свидание с зерновушкой, скромной и неказистой яблонькой-дичком, притупившейся на склоне одной безвестной балки, каких в приволжских степях превеликое множество.

В ту далекую пору враги прижали нас к самой Волге и не оставляли решительно ни-

каких сомнений относительно конечной своей цели. Листочки их недвусмысленно обещали: «Рус, завтра — буль-буль!» Все, стало быть, ясно и понятно. Непонятным было одно: почему мы, три старших лейтенанта — Николай Соколов, Василий Зебницкий и я, — избрали для своего совместного блиндажа ту безвестную балку, которая лежала перпендикулярно относительно линии переднего края и простреливалась противником насвозь? Не привлекла ли нас яблоня, усталая и тому времени горькую землю великим числом таких же горьких, зеленых, покропленных золотистыми веснушками плодов?

После очередного боя, злые, подавленные страшными потерями (они были в ту пору безмерно велики), возвращались мы под вечер в свою нору. Зерновушка протягивала навстречу свои изломанные су-

чья, которых день ото дня становилось на ней все меньше и меньше. Мы собирали сшибленные сучья, топили ими свою «буржуйку»; сучья разгорались не вдруг, долго шипели, из них красной живой кровью струился сок.

В конце ноября 1942 года мы расстались с нашей зерновушкой: советские войска перешли под Сталинградом в наступление.

...И вот теперь, спустя двадцать с лишним лет, я ехал на свидание именно к ней, к нашей зерновушке. У меня не было уверенности, что увижу ее на том месте. И все-таки, выйдя к берегу Волги, у подножия балки Купоросной, я стал быстро подниматься по ней вверх. Справа и слева ее обступали дома, высокие, нарядные, которых, разумеется, раньше не было. Все это радовало глаз и душу. И вместе с тем было отчего-то немного грустно. Отчего же?

Не оттого ли, что все меньше и меньше оставалось надежды на встречу с моей яблоней?

Я, однако, упрямо шел. Вот одна, другая дочерние балочки сбежали в балку Купоросную. Я ждал пятую по счету. С бьющимся сердцем поднимаюсь выше, выше...

Стоит!

Да, да, стоит на том самом месте. И, в отличие от меня, кажется, нисколько не постарела. Сучья новые, молодые, проторно разбросаны в разные стороны. Только внизу, у самого кохла, чуть видны были ее зарубцевавшиеся раны. Жива, милая! Быстро разгребая снег в небольшой яме под деревом — это все, что осталось от нашего блиндажа. И на дне этой ямы обнаруживаю что-то круглое, холодное. Яблоки! Зубы ломит — студень, жесткие. И вместе с тем упоительно сладкие. Я собрал их, набил ими карманы, снял шапку и в нее насыпал.

И с этим-то драгоценным грузом уже не по балке, а прямо степью, через гору медленно пошел к Волге.

Далеко внизу, вытянувшись вдоль великой реки чуть ли не на сотню километров, виднелся город, прекрасное которого нет на всем белом свете.

ДВА СИЛУЭТА

Страница дневниковых записей

Михаил СВЕТЛОВ

Я, бывалый воин, ежедневно спасавший Россию и не имевший никакой другой квалификации, возвращался на бронетранспортере из разведки, где выяснил все фашистские козни.

Два силуэта возникли передо мной. На конях шли в ночь Федя Чистяков и его возлюбленная — ткачиха из Подмосковья. Она была неинтересна. Но к нему пришло время стать влюбленным.

У командира сорок четвертой бригады — тоже Чистякова — была своя блажь: он назначал комбатами только красавцев. Пять ба-

тальонов — пять командиров-красавцев. С четырьмя я был знаком, с пятым так и не познакомился.

Недавно я в Доме Советской Армии встретился с одним из них — с Васей Славновым, другом Феи Чистякова. Это странный человек. Он боялся и боится воды. Ему, человеку необыкновенной храбрости, легче было взять любую высоту, чем перейти ручей.

Передо мной опять возникают два силуэта — они, уставшие от человеческих страстей, едут понуро. Сидит мальчик на лошади и думает: «Чем бы мне развлечь свою любовь?» Сидит девушка на лошади и думает: «Ну до чего же мне скучный мальчик попался!»

Наш фронт был на болотах. И мы у проходимых мест устраивали так называемые батальоны. Унылый пейзаж оживляли красивые комбаты. Направление главного удара бывает не только на фронтах, но и на отдельных участках.

И вот фашисты кинули огромные силы на отдельный участок. Поле обстрела из блиндажа довольно ограничено. И Федя Чистяков, немало не смущаясь, выкатил свой пулемет на крышу блиндажа и стрелял по всем направлениям. Он убил несчетное количество врагов и вернулся невредимый к себе в блиндаж. Враг больше не затевал никаких затей на его участке. Федя получил орден Ленина.

Он очень дружил с Васей Славновым, о котором я уже упоминал. Ко мне эти люди уже привыкли и не стеснялись меня. «Ну, как, Вася?» «Ну, как, Федя?» Но стояло только кому-нибудь войти, как Федя вставал: «Ну, что еще прикажете, товарищ комбат?» Ни в одном английском университете не преподают такую дисциплину и такую чуткость.

А погиб Федя Чистяков следующим образом. Он был в гостях в соседнем батальоне. Враги наступали большими силами. Пулеметчик, помня подвиг Чистякова, выкатил пулемет на крышу блиндажа. На войне, как и в литературе, нельзя копировать. Обстановка не та, условия не те. В данных условиях не враг, а сам пулеметчик стал мишенью. Федя понял, что пулеметчик «халтурит». Он бросился на крышу, и тут же его буквально перерезала автоматная очередь.

Я видел много плачущих людей, но как рыдал Вася Славнов над умирающим Федей Чистяковым! Он нисколько не стеснялся своего горя. И все равно не этот страшный эпизод остался глубоко запечатленным в моей памяти; остались два силуэта, освещенные фарами моего бронетранспортера: подмосковная ткачиха на коне и влюбленный в нее мальчик.

МЫ СЛЫШИМ...

Константин ВАНШЕНКИН

Песни минувшей великой войны. Они как вехи на бесконечной дороге, которая тянется через военкоматы и пересыльные пункты, училища и запасные полки, передний край и медсанбаты.

Я отчетливо помню, когда, где и как услышал впервые песню. «Землянку» — в карантине училища, где ее задумчиво напевал молоденький сержант-летчик. «Священную войну» морозным вечером пели мы в строю под левую ногу, и так ладно и грозно гремел припев, что я почувствовал холодок в спине и слезу в глазах. «Огонек» услышал на станции от солдат соседнего эшелона,

Песня быстрее, чем любой другой вид или жанр искусства, проникала в войска. Действительно, посмотреть кино, прочесть книгу или встретить центральную газету со стихами часто было очень трудно или попросту невозможно. А песни жили везде. Они стали народными, многие песни войны.

Когда сейчас мы слышим, поем или шепчем про себя военную песню, мы вспоминаем, мы видим войну, какой-то ее день, или час, или месяц.

Но здесь и обратное действие: когда мы думаем о войне, мы думаем не только о боях и походах, руинах и госпиталиях, фронтовых друзьях. Мы слышим не только свист пуль, взрывы мин и снарядов, не только стук копыт и рев моторов, не только крик и стоны, — думая о войне, мы обязательно слышим далекую песню на большаке, песню, с которой идет взвод или которая тихонько звучит в блиндаже или землянке. Песни войны... Они неотъемлемая часть войны и нас самих, они будут жить в нас, пока живы мы сами.

лись страны от фашизма, выходили из подполья песни.

Но не все песни обрели свободу. И Серджи Либеровичи задумал новый «туристский маршрут». К Фервурду, в ЮАР, туда, где песня правды еще в подполье.

Григорий ШНЕЕРСОН

ПЕСНЯ ВЫХОДИТ ИЗ ПОДПОЛЬЯ

В центре Мадрида поет неизвестный певец. Не о корриде и петушиных боях — о гражданской войне, которую не забыли в Испании, о предателе Франко...

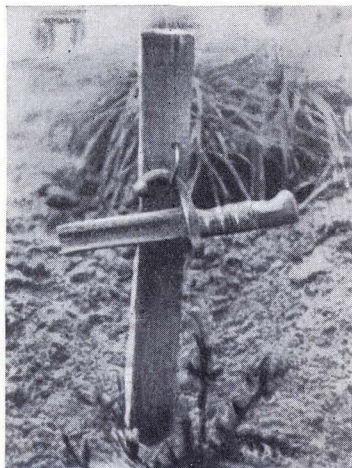
Рекламные проспекты не рекомендуют туристу слушать и тем более записывать песни на улицах, потому что можно попасть не на корриду, а в тюрьму.

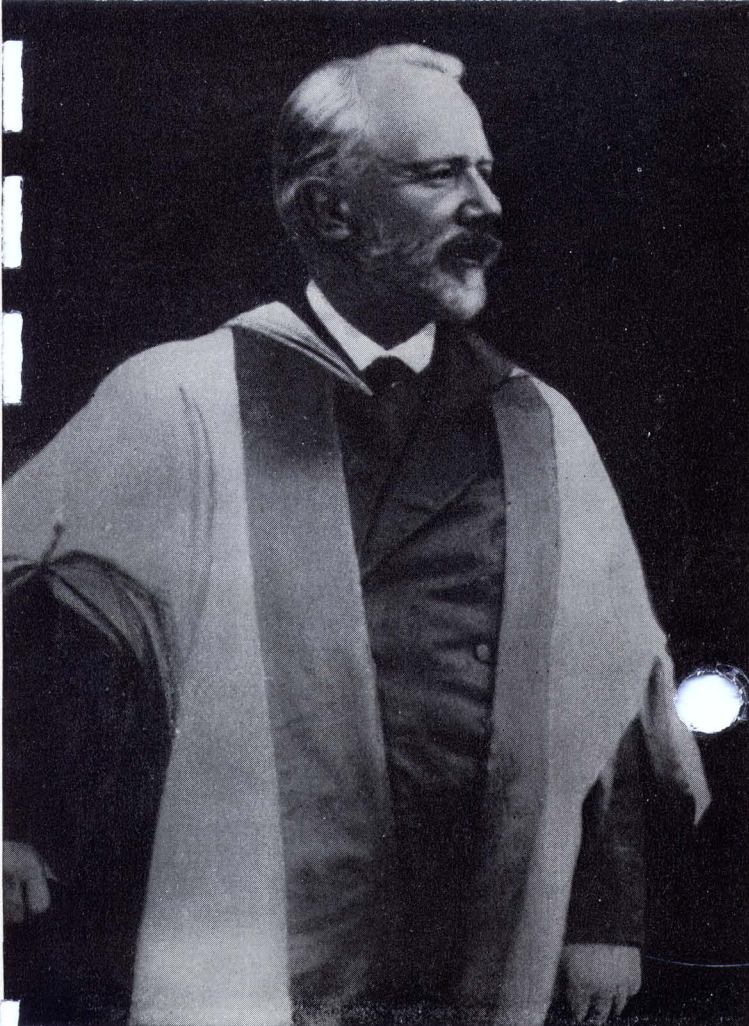
Но один турист все же рискнул. Записал. А вернувшись на родину, выпустил пластинку. Имя певца

до сих пор остается в тайне, а имя туриста — Серджи Либеровичи. Франкистский суд заочно осудил их — неизвестного сочинителя и известного итальянского музыканта, посвятившего годы жизни песням европейского Сопротивления.

Серджи Либеровичи прислал мне альбом, который он подготовил вместе со своим другом — певцом и литератором Микеле Страньеро. Антифашистская немецкая листовка, Испанская гравюра «Свободу политзаключенным»... Перед глазами — партизанские костры, важные рейды, схватки с фашистами.

В альбоме — пластинки с песнями, сложенными в шестнадцать странах. Их пели французские «маки» (верхний снимок) — те самые парни, которые уходили в отряды Сопротивления, вместо того чтобы работать на военных заводах вермахта. Их пели немецкие антифашисты — песни надежды. Их пели польские партизаны в походе и в спорную минуту, прожая в последний путь своего товарища. (Вы видите могилу партизана близ Варшавы). Освобожда-

ДОКТОР МУЗЫКИ

«Чайковский сумел выразить в музыке дух народа, и поэтому, подобно Пушкину, он вошел в самую основу основ русского национального сознания... Художественное наследие Чайковского очень дорого сердцу современного человека...»

Д. Шостакович

Этот снимок сделан в Кембридже. Здесь в 1893 году Петр Ильич Чайковский первым из русских композиторов был удостоен почетного звания доктора музыки Кембриджского университета. Неизвестная раньше фотография была найдена в Англии через семьдесят с лишним лет.

В большом готическом зале университета, основанного еще в XII веке, будущий доктор продирижировал своей симфонической поэмой «Франческа да Римини», и его облачили в мантию. В сопровождении свиты он направился через город к зданию сената. Здесь перед вручением диплома оратор произнес речь по-латыни о заслугах композитора, «возводимого в достоинство доктора музыки»:

— Представляю вам Петра Чайковского! Он счастливый выразитель горячего пыла и грустной мечтательности славянской природы! Как широко охватывает он душу содержанием своих мелодий, как бесконечно разнообразен он в своих музыкальных формах! Мы восхищаемся талантом таких людей — свободным и чутким, который, как сама природа, безыскусствен и прекрасен.

Торжества окончились. Возвращаясь на родину, в подмосковный Клин, Петр Ильич пишет брату: «Признаться сказать, мне невыразимо хочется пожить дома. К тому же, мне надо поскорее приняться за инструментовку двух новых больших произведений, т. е. симфонии (которой я очень доволен) и фортепианного концерта».

В то последнее лето Чайковский работает в Клину над Шестой симфонией. Рукопись, эскизы, рабочий стол, рояль напоминают об этом произведении. Недавно здесь появилась и фотография, которую впервые публикует «Кругозор».

На звуковой странице — рассказ племянника П. И. Чайковского Юрия Львовича Давыдова. Многие годы он был главным хранителем музея.

К л и н,

М. ДОБРОСЛАВСКИЙ

ЭХО ЗЕМЛИ

— Я не понимаю людей, для которых музыка ничего не значит. Это радость — такой большой мир.

Нада Кнежевич, югославская певица, рассказывает о себе:

А. ПЛЕВАКО,
наш корреспондент
Белград.

— Отец хотел, чтобы я продолжала семейную традицию: стала врачом. Но, придя на студенческий концерт, понял: мое призвание — сцена. И вот концерты, выступления по радио и телевидению, гастроль... Чем занимаюсь в свободное время? Слушаю Баха, Шопена. Увлекаюсь резьбой по дереву. Люблю наши горы, равнины, море. Там я отдыхаю и с новыми силами возвращаюсь к репетициям.

Песни Нады Кнежевич — эхо родной земли. На фестивале в Опатии певица получила приз «Золотой микрофон». Вы услышите в ее исполнении песни: «Далеко», «Цыганская ночь», «Фатима».

Евгений ВИНОКУРОВ

ЧУДЕСА

Смешно не верить в чудеса,
А мы не доверяем чуду!
Любая чуткая душа
Его предчувствует повсюду.
И вроде квелоного зерна,
Что не пойдет на прорастанье,
Тот, у кого притуплена
Способность слышать мирозданье...
Ходите по лесу. Слегка
Согнитесь вдруг в полупоклоне,
И в гордом образе жука
Предстанет чудо на ладони.
Вот яблоко — как изумруд —
Незрело. Но подходят сроки:
Процессы тайные идут,
Сладчайшие гуляют токи!
На крыльцах бабочки — пыльца,
Кровь в нитке тоненькой сосуда...
А то, что миру нет конца,
То что, по-вашему, — не чудо?

Александр ЯШИН

С МАТЕРЬЮ НАЕДИНЕ

Для всех ты давно уже бабушка, бабка,
А для меня — все мама.
Для всех я если не дед, то дядя,
А для тебя — все парнишка.

Что ты знаешь о моей жизни?
Жалеешь меня
Иль гордишься мною?
Верно, думаешь, что я вышел в люди,
Тогда почему плачешь,
Когда я домой возвращаюсь?

Ничего из меня, мама, не вышло,
И мудрость с годами не прибывает,
Душа по-прежнему не на месте,
И в ласке твоей, как в детстве,
нуждаюсь.

Почему ты, мама, меня сильнее?
Иссохшая, старая, а не больная.
Пахать бы мне землю, как ты пахала,
Зимой ладить дрова, а летом сани.

И не искать бы иного счастья,
Бояться суетности, как заразы,
Ведь нет все равно ничего на свете
Милей твоего немудрого крова.

Не будет тебя — куда я поеду?
Чужие люди займут наш угол.
Но почему ты, мама, боишься,
Когда прихожу к тебе за советом?

Фото В. ГРАДОВА

Стала вдруг зима весной...

ад плато Алагада в коротких вспышках радиоволн — двадцатый век. На плато Алагада живут пастухи, люди одной из самых древних на земле профессий. Круг их работ и дней — такой же, как и тысячу, как и две тысячи лет назад. Заботы — как у отцов. В четыре утра чабаны поднимаются, в десять затихают отары. Так каждый день... Не слишком ли мало для человека?

По утрам Шамиль месит тесто. Грубое, из отрубей, ячменной муки и перетертых конских бобов. Вытянув желтые хвосты, вокруг лежат собаки. Глаза у них закрыты. Лишь изредка приоткроется желтое веко, встанет огромный пес, зевнет, подойдет к краю обрыва, под которым сбитое в теплый кулак просыпается в узком ущелье стадо; втянет ноздрями голубой пропахший овечьим молоком и дымом воздух, еще раз зевнет пренебрежительно, вернется, ляжет, положив голову на тяжелые лапы. И снова — шлеп-шлеп — Шамиль месит тесто. Прожурчит в воздухе птица, и из-под ленивого века пса — взгляд настороженный, колючий.

Сзади, в ущелье, легкое позвякивание — камешек запрыгал по склону, и через пять секунд внизу легкая россыпь — долетел. Шамиль знает: возвращается Алибек. Шамиль ловит улыбку, готовую беззаботно сорваться с губ. Он представляет, как с ведрами спускается по склону Алибек, строит у ручья маленькую запруду и курит, ожидая, когда осядет муть. Талая вода с вершин схватывает горло. Алибек пьет медленно, не так, как пьют от жажды, а как в начале дружеской пирушки пьют первый стакан, вдыхая аромат и ощущая

вкус молодого вина. Потом Алибек поднимается вверх по склону, повторяя ежедневный путь, по которому утром ходит он, а вечером Шамиль. Идет осторожно. Звякает ведро, скрипит под ногами мелкий камешек и...

...легкая россыпь — долетел!
Шамиль ловит усмешку, готовую сорваться с губ. Говорит: «Здравствуй, Алибек!»

Зал в Эрмитаже. Туда редко заходят экскурсанты. На черно-красных боках греческих амфор и ваз та же выверенная точность движений, с какой Шамиль месит тесто и Алибек ходит за водой.

Медленно бредет трехтысячная отара по плато. И весь день будет идти за ней чабан. В полдень чабан спустит отару в ущелье, к ручью, поребьячи побарахтается в воде, полежит на солнце — и снова вверх, на плато. Будет минута, когда он поднимет глаза и удивится, что вершины гор, одетые в тубетейки, расшитые серебром, отбрасывают голубые, а не серые тени, и сегодня на другой стороне плато, за пропастью, он увидит белую точку селения и подумает, что, наверное, там по рыжим крышам бегают дети и вечером звонко ударяют в подойники струи молока. Сегодня ни облачка, сегодня солнце светит ровно и неколебимо, сегодня нет и не будет тумана...

...На тренировках самое сложное испытание для космонавтов — одиночество в сурдокамере. И насколько острее, мне кажется, иное одиночество, когда можно увидеть вдали за пропастью свое село, знакомый уклад жизни.

Туман поднимается внезапно. Словно перекиссше тесто, переливается через края пропасти, сочится из земли. Пятиминутный, он стоит сутнами, и непроходимый — рассасывается через полчаса

МЕЖДУ СОЛНЦЕМ

И ТУМАНОМ

Фото автора

И лучше успеть согнать отару в ущелье, иначе разбредутся, сольются с крутобокими валунами овцы и... И бывает, за день много раз появляется и отступает туман и по лезвию солнца и тумана скользит отара вверх и вниз. Так проходит день. Их 365 в году. 120 лучших — на плато.

Быть может, мужество и состоит в том, чтобы без оглядки на немедленное одобрение, наедине с самим собой и миром свершать каждый час своей жизни?

Когда горный ручей окаймится тонким ледком и травы на зорях посеребрят изморозь, ягнята станут самостоятельнее. Но у глаз на коричневой от

загара коже чабана появится еще одна морщина, блеснет еще один седой волос, потому что позавчера черт знает на какой высоте оказалась матка и пришлось лезть по холодной скале.

Осенью в сотнилометровый путь к морю двинутся одна за другой отары. Они проходят через перевалы, откуда бросает ветер на долины тяжелые облака. Все меньше на перевалах травы и беспокойнее на сердце: как доберется семья туда, вниз, в теплую долину у моря, куда он, Шамиль, попадет только через месяц? И счет уже на месяцы. Там, в этих теплых долинах, тоже бродят туманы, и снова идет чабан по лезвию... А потом опять — в горы, на плато...

А не слишком ли мало для человека?

Мы идем по плато Алагада. Весна. Мягко шуршат под ногами сочные травы. Тихо. Лишь изредка Шамиль остановится, скажет: «Тэ, тэ по-нашему, забудка по-русски». И снова зашагал. Тяжелые солдатские сапоги желты от первой пыли цветов.

Дагестанская АССР, Хунзахский район,
колхоз имени Хизроева,

МУЗЫКА

Евгений САВИНОВ

Черемух запушь, в воду сыплясь,
Наводит белый зыбкий мост.
Зари вечерней одописец,
Настраиает горло дрозд.
Ударишь по сосне незвонко —
И оживет в стволе весь лес:
И голос грома, и лосенка,
И родниковый переплеск.
Ленивец филин, как из пушки,
Вдруг ухнет: время мышковать!
И разговор ведут лягушки:
«Ночь как-кова!
Ночь как-кова!»
Услышишь хищный поиск щуки
И в поле шальный бег зайчат...
Как будто движутся все звуки
И все движения звучат.
Мы сами не находим места,
В потемках бродим наугад...
И сердце бьется в темпе «престо»,
Как музыканты говорят.

Ярославль.

СТО ПРОФЕССИИ ДЕСАНТНИКА

Курсант А. Репко:
«Кроме военных дисциплин, мы проходим курс физио-математического факультета...»

Генерал-майор А. Леонтьев:
«Я вам скажу, редко такие случаи бывают, но они возможны...»

Лейтенант Ю. Беленко:
«Я уже ничего сделать не мог. Оба купола не раскрылись. Я посмотрел на землю...»

Слушайте в седьмом номере журнала репортаж из десантных частей. Ведет репортаж наш специальный корреспондент Ю. Визбор.

Фото В. Куняева

«ДРУЖБА»

Дочь польского шахтера Эдита Пьеха приехала к нам в страну учиться в университете, а стала известной эстрадной певицей. Когда она начала петь? Когда записалась в хор Ленинградского университета? «С самого детства, — рассказывает о себе Эдита. — Мы с мамой устраивали семейные концерты». С годами любовь к песне настолько окрепла, что заставила студентку философского факультета делить свое время между эстрадой и науками. Она становится солисткой вокального ансамбля, которым руководит Александр Броневицкий. На фестивале молодежи в Москве ансамблю «Дружба» присудили золотую медаль.

Почему «Дружба»? Достаточно послушать, как поют друзья актрисы эстонец Тойво Соостер, грузин Томаз Чиаурели, как звучит в исполнении Мирослава Фикташа украинская песня «Ничь яка мисячна», чтобы ответить на этот вопрос.

В одной рецензии об Эдите Пьехе точно замечено, что любая песня в ее исполнении приобретает черты неподдельной интеллигентности: резкость никогда не бывает вульгарной, а утонченность салонной.

Мих. ДОЛГОПОЛОВ

ЭДИТА ПЬЕХА: Шел концерт нашего ансамбля. Мама — она недавно приехала ко мне в гости — сидела в зале напротив меня. Тогда я впервые исполнила песню Броневицкого на стихи Миливского «Мама». И хотя мама не знает русского языка, я увидела со сцены, что она поняла, о чем я пою. Исполняю эту песню для вас вместе с песнями «Здравствуй, Рига» и «Только ты».

Фото Л. Лазарева,
М. Муразова

КОСМИЧЕСКОЕ ЖЮРИ

Юрий Гагарин поднимает вверх табличку с цифрой. Это оценка.

Судей девять: Юрий Гагарин, Герман Титов, Валерий Быковский, Павел Попович, Владимир Комаров, Константин Феоктистов, Борис Егоров, Павел Беляев, Алексей Леонов. Центральное телевидение проводит конкурс песен о космосе. Ставятся оценки. Отдельно за стихи, отдельно за музыку: 6, 5, 7, 2...

Высший балл получила песня Яна Френкеля и Анатолия Поперечного «Шаги», которую вы услышите на одиннадцатой звуковой странице.

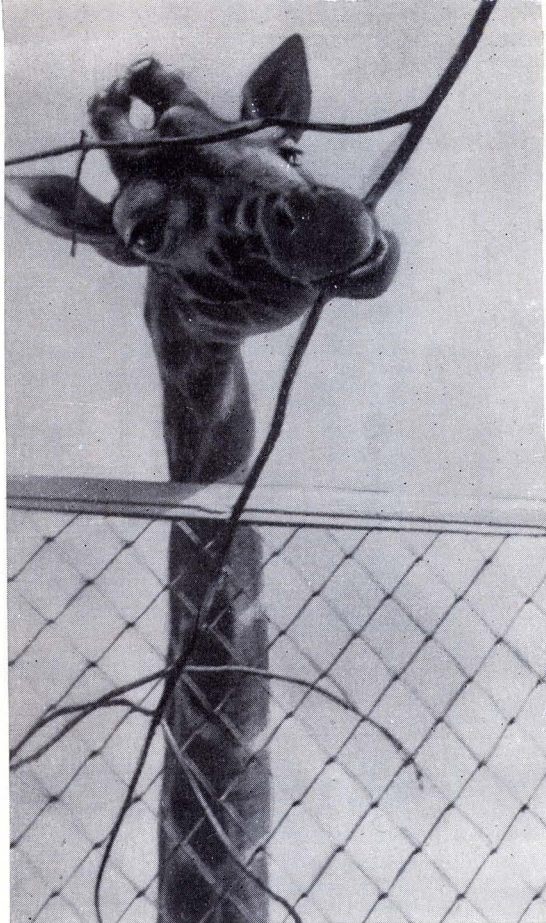
Т. ПОПОВА

В номере:

1. Маршал бронетанковых войск М. Е. Катуюков: «Я вам маленький эпизод расскажу...»
2. Шесть минут войны. Документальные записи.
3. П. Беляев, А. Леонов. Первое интервью после полета, взятое на космодроме нашим специальным корреспондентом Ю. Летуновым.
4. Млечный путь — дорога чабана. Звуковая новелла.
5. П. И. Чайковский. «Аллегро». Исполняется впервые.
6. Новые стихи Александра Яшина и Евгения Винокурова.
7. Песни, пронесенные в вещмешках: «Соловьи», «Синий платочек», «Дороги». Рассказывает Г. Шергова.
8. Песни-борцы. Поют подпольщики Испании, немецкие антифашисты, французские «маки», партизаны Польши.
9. Нада Кнежевич, югославская певица.
10. Современные танцевальные ритмы.
11. Наши премьеры. А. Пахмутова. «Когда отец ге-рой», Я. Френкель. «Шаги».
12. Эдита Пьеха, солистка ансамбля «Дружба».

Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной студией грамзаписи фирмы «Мелодия» и Государственным Домом радиовещания и звукозаписи.

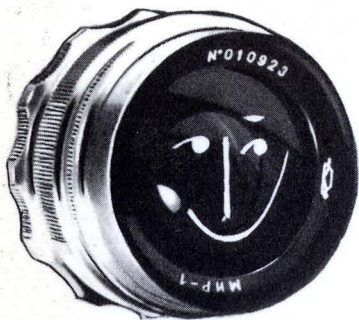

На первой обложке: Победа. Фото Л. Лазарева. (Слушайте в номере третью звуковую страницу).
На четвертой обложке: Воды уж весной шумят... Фото В. Школьного.

Художник В. Шапов.
Технический редактор Л. Петрова
Режиссер Н. Субботин

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции: Москва, Пятницкая ул., 25.
Телефоны редакции: В 3-74-42; В 3-74-59.
Б 03766. Подписано к печати 17/IV 1965 г.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆. Бум. л. 0,5. печ. л. 1.
Тираж 150 000 экз. Зак. 1055. Цена 1 руб.
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.

СУБЪЕКТИВНЫЙ ОБЪЕКТИВ

*Завтрак вегетарианца.
Музыкальное утро.
Море начинается здесь.*

**Фото М. Муразова,
П. Носова**

Цена 1 руб.

ИЗДАТЕЛЬ: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР ПО РАДИОВЕЩАНИЮ И ТЕЛЕВИДЕНИЮ.